

Н.К. Гаврюшин

РУССКОЕ БОГОСЛОВИЕ
Очерки и портреты

Нижний Новгород

2011

Н.К. ГАВРЮШИН

РУССКОЕ БОГОСЛОВИЕ
ОЧЕРКИ И ПОРТРЕТЫ

По благословению
архиепископа Нижегородского
и Арзамасского Георгия

Выражаем благодарность за помощь в издании книги
директору ОАО «НИАЭП»
Валерию Игоревичу Лимаренко

Н.К. ГАВРЮШИН

РУССКОЕ БОГОСЛОВИЕ ОЧЕРКИ И ПОРТРЕТЫ

Нижний Новгород

2011

УДК 271.2
ББК 86.372+87.2
Г12

Г12 Н. К. Гаврюшин. Русское богословие. Очерки и портреты
Нижегородская духовная семинария, 2011. 672 с.

ISBN 978-5-904720-07-0

© Николай Константинович Гаврюшин, 2011
© Нижегородская духовная семинария, 2011
© Типография «Ридо», 2011

Теоретической предпосылкой исследования Дамиана можно считать его утверждение, что «художественное вдохновение далеко не всегда соответствует прямому смыслу взятого предмета, насчет которого бывают возможны самые странные недоразумения»²⁹. Исторически Дамиан достаточно внимательно рассмотрел возникавшие на Руси «недоумения» по поводу иконописных изображений, отдав должное дьяку Ивану Висковатому, Зиновию Отенскому, Стоглаву и постепенно подойдя к проблемам православной эстетики как нормативной дисциплины, воздействующей на развитие церковной живописи через духовную цензуру.

Иеромонах Дамиан не был настолько наивным человеком, чтобы не предвидеть очевидных возражений: поставить «закон» выше «благодати» он, конечно, не мог. «Предлагать цензуру и необходимость иконописцам и живописцам следовать и справляться с подлинниками и лицевыми святцами, — писал он, — никогда не значит сковать свободное творчество художников, заставляя их изображать по писаному. Наоборот, художнику развитому, с прирожденным вкусом и даром творчества эти руководства послужат только пособием, необходимой справочной книгой, и нисколько не будут связывать его творческого воображения... Элементы субъективный и объективный допускают взаимное гармоническое сочетание как в церковной поэзии, так и в художественной живописи»³⁰.

Религиозно-эстетическая установка на византийские образцы и, конкретнее, на «Иконописный подлинник» проявилась и в статье Владимира Кожевникова, посвященной картине А. Иванова «Явление Христа народу». В фигуре Иоанна Крестителя он усматривает влияние «Деисуса» Мануила Панселина (XVI в.), включенного в конечном счете в «Иконописный подлинник» 1905 года.

Философско-эстетический анализ значения «Иконописного подлинника» для русского религиозного искусства дал в письмах, известных под названием «Философия иконы», Николай Тарабукин³¹. Он обращает особое внимание на эту тему в главе «Сверхвременный смысл „Иконописного подлинника“». «К сожалению, — пишет Н. Тарабукин, — Церковь ни разу не обратила серьезного внимания на роль и характер „Иконописных подлинников“ и ни один из них не узаконила в качестве непреложного устава для иконописцев. Если

бы это случилось, то это обстоятельство несомненно спасло бы иконопись от многочисленных живописных влияний, вплоть до жеманного и фривольного стиля рококо, и предохранило бы Церковь от засорения неподобающими живописными произведениями»³².

В другой главе Н. М. Тарабукин, так же как и Н. В. Покровский, обращается к вопросу о единстве выразительности всех сторон религиозной жизни. «Если ни один священник, — пишет он, — не позволит себе вместо церковно-славянского текста молитвы Ефрема Сирина прочесть стихотворное переложение ее, сделанное Пушкиным, то непонятно, почему продолжение той же логической мысли не приводит этого священника к протесту против нахождения в храме сентиментальных портретов католического письма, заменяющих собою образ Богоматери, мирится, когда слышит с клироса мелодии, близкие к „Пиковой Даме“»³³.

Озабоченность выразительной стороной общественного богослужения порой приводит Н. М. Тарабукина к таким максималистским декларациям, которые способны подорвать доверие к духовным корням его теории. «В живописи, — пишет он, — наиболее сатанинской формой изображения является портрет. Недаром вся средневековая культура, наиболее религиозная, не знала портрета как самостоятельной формы изображения»³⁴. Между тем, раннехристианская иконография развивалась именно на основе портрета, а специфические черты византийского «иконного» стиля стали складываться лишь к концу первого тысячелетия...

В русской религиозно-эстетической мысли XIX–XX веков в самом деле намечилось стремление обрести *законы* православной выразительности, которые мыслились воплощенными в «Иконописном подлиннике», «Нотном октоихе», «Типиконе»... Оставалось, казалось бы, найти четкие определения, охватывающие основные вариации сохранявшихся в них указаний, и тогда... Но тогда христианская культура стала бы формой *Закона*, который некогда отступил перед *Благодатью*, сошедшей на грешную землю с Воплощенным Словом Божиим... Вот почему наряду со славословиями «Иконописному подлиннику» появляются и высказывания о его отрицательном влиянии на религиозное искусство. По мнению Г. И. Вздорнова, впервые об этом заговорил А. П. Голубцов³⁵.

И за праведным гневом против протестантизма вытеснение церковного предания «всечеловеческим» проходит почти незамеченным. В этом важнейшая особенность стиля и метода о. Павла.

Флоренский создал целую парадигму рассуждений, к которой восходят построения и уже упомянутого Н. Тарабукина, и гр. Комаровского⁴², и, конечно, Булгакова... Можно сказать, что у русских с немалым запозданием на почве изучения иконы проснулся вкус к метафизике, но она вводила их в гностицизм и даже магизм; вторая волна этих поисков обнаружила себя уже на рубеже XXI века, когда русская иконология начала насыщаться новой терминологией — появились *иеротопия, зонотопос, этернизация*. — «Говорящий на незнакомом языке — молись о даре истолкования» (1 Кор. 14: 13). — От метафизических аллюзий, возможно, больше этикетных, оказалось недалеко до такой «онтологизации» иконы, что опасения иконоборцев стали в самом деле оправдываться...

Возможно, их неслучайно оживил близкий друг Флоренского, воспринявший от него софиологическую доктрину, — о. Сергей Булгаков. Он начинал свой путь в религиозной эстетике с увлеченного анализа творчества В. М. Васнецова, в котором видел «русского Рафаэля» и одного из подлинных духовных вождей нации⁴³. В Рафаэле Булгакову предстояло позднее испытать глубокое разочарование; параллельно должно было умалиться в его глазах и значение Васнецова. Постепенно его внимание сосредоточилось на иконе. Ей Булгаков посвятил монографию «Икона и иконопочитание» (1931).

Возвращаясь к эпохе иконоборческих споров, о. Сергей обращает внимание на то обстоятельство, что доводы противников иконопочитания не были до конца опровергнуты на VII Вселенском соборе. Логически несовершенными представляются ему и сочинения патриарха Никифора, преп. Иоанна Дамаскина и преп. Феодора Студита. «Торжество православия», которое Церковь празднует в первое воскресенье Великого поста, оказывается, по Булгакову, *мнимым*. Он утверждает, что «в пределах христологии» догмат иконопочитания ведет к «безвыходным апориям», и существует только один путь богословского спасения православия — принятие софиологического учения, согласно которому София есть «Божество Бога или Божество в Боге» и в то же время «божественный мир прежде его творения»...

27. Там же. С. 12.
28. См., напр.: *Денисов Л. И.* Каким требованиям должна удовлетворять православная икона? // *Вера и Церковь*. 1901. Кн. 4. С. 585–597.
29. *Дамиан, иером.* Недостатки русской иконописи и средства к их устранению. Историко-критический очерк. СПб., 1905. С. 50.
30. Там же. С. 55–56.
31. ОР ГБЛ, ф. 627, карт. 2, ед. хр. 1. Кем дано название делу, написанное чернилами на кусочке картона, непонятно. В папке, собственно говоря, несколько работ: лл. 1–15 — «Об искусстве», лл. 16–29 — «Философия пейзажа», лл. 24–66 — «Письма», лл. 67–85 об. — «Икона Владимирской Богоматери». Тексты датированы 1916 годом, но это недоразумение: правописание и ссылки на работы П. А. Флоренского, опубликованные в 1922 году, дают основание отнести создание рукописи к середине 1920 годов. «Философия иконы» опубликована А. Г. Дунаевым: см.: *Тарабукин Н. М.* Смысл иконы М., 1999.
32. *Тарабукин Н. М.* Смысл иконы. Указ. изд. С. 100.
33. Там же. С. 110.
34. Там же. С. 34.
35. *Вздорное Г. И.* История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М., 1986. С. 254.
36. *Виноградов Ал.* Опыт сравнительного описания и объяснения некоторых символических икон древнерусского искусства. СПб., 1877. С измененным названием напечатано в «Изв. Имп. Рус. археологич. об-ва», т. IX, вып. 1.
37. *Арсеньев В. С.* О церковном иконописании // *Душеполезное чтение*. 1890. Ч. 1. С. 253–266. В сокращении см. в кн.: *Философия русского религиозного искусства*. М., 1993. С. 140–144.
38. См.: *Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А.* Живопись Великого Новгорода. XV век. М., 1982. С. 189–190.
39. *Волошин М.* Чему учат иконы? // *Волошин М.* Лики творчества. Л., 1989. С. 291–295.
40. *Трубецкой Е. Н.* Россия в ее иконе // *Трубецкой Е. Н.* Три очерка о русской иконе. М., 1991. С. 107.
41. *Флоренский П., свящ.* Собр. соч. I. Статьи по искусству. Париж, 1985. С. 263.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Часть I. Очерки	11
Силуэты духовных академий	12
Вехи русской иконологии	42
Самопознание как таинство: русская религиозная антропология	74
Часть II. Портреты	119
Тайна «внутреннего Креста»: святитель Иннокентий (Борисов)	120
«Столп Церкви»: протоиерей Ф. А. Голубинский и его школа	135
«Мы одни православны...»: А. С. Хомяков	175
«Церковь в нас должна святиться»: архимандрит Феодор (А. М. Бухарев)	201
«Меня официально провозгласили неправославным»: архиепископ Никанор (Бровкович)	251
Антропология в свете гносеологии: В. А. Снегирев и В. И. Несмелов	284
Идеал любви и трагедия власти: митрополит Антоний (Храповицкий)	295
«...Прийти к опыту верующего в простоте»: М. М. Тареев	334
«Сила и слава Церкви»: И. В. Попов	369
Метафизика любви и богословие брака: С. В. Троицкий	407
«Горю душой примкнуть к массонам...»: архимандрит Серапион (Машкин)	446

«Борьба за любезную мне непонятность...»: священник Павел Флоренский	454
«Быть христианином — значит быть греком»: протоиерей Георгий Флоровский	500
«Истинное богословие преобразает метафизику». Заметки о Владимире Лосском	540
Два пути веры: протоиерей Сергей Булгаков и патриарх Сергей (Страгородский)	582
«Никакого „парижского богословия“ нет!»: архимандрит Киприан (Керн)	593
Игумен из Пинска о польском мессианизме: Геннадий (Эйкалович) и Хёне-Вронский	610
«Метаморфология» и богословие: Василий Павлович Зубов	622
«Священство не должно быть профессией»: протопресвитер Александр Шмеман	638

Николай Константинович Гаврюшин
Русское богословие. Очерки и портреты

Редактор-корректор О.В. Куранова.
Вёрстка: В.Г. Кочнев

Подписано в печать 04.04.2011. Формат 70х100/16
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Печ. л. 42. Усл. печ. л. 54,18
Заказ № 192. Тираж 2000 экз.
Отпечатано в типографии «Ридо»

ISBN 978-5-904720-07-0

© **Николай Константинович Гаврюшин**
© **Нижегородская духовная семинария, 2011**
© **Типография «Ридо», 2011**

